

— Словари пишутся, создаются для профессионалов, для тех, кто хочет ими стать, или просто для любознательных. Кого по преимуществу вы имели в виду, создавая свой?

— Вероятно, и тех, и других, и третьих.

Наш двухтомник (в особенности во второй своей части) должен выполнять обязанности словаря, справочника, и хотелось не обмануть ожидания тех, кто будет им пользоваться в этом его качестве. Здесь можно найти не только полный репертуар Художественного театра за сто сезонов (название пьесы, автор, режиссер, художник, композитор, день премьеры, количество представлений), но и репертуар Первой студии и выросшего из нее МХАТ Второго, репертуар Второй, Третьей, Четвертой студии МХАТ, репертуар Музыкальной студии. Как ни удивительно, этот раздел — своего рода новинка. Ни в одной известной нам книге перечня премьер МХАТ Второго до дня его ликвидации в 1936 году не нашлось. Еще «новинка»: аннотированный перечень пайщиков и вкладчиков, в разные годы участвовавших материально в деле Художественного театра. В том же втором томе идет полный (как мы надеемся, полный) список актеров, входивших в труппу на протяжении ста сезонов. Есть указатель гастролей — где, когда, что играли за эти годы. Заканчивает издание список труппы, каков он был к началу сотого сезона.

Этот-то спор, раздобыть труда не стоило, а вот составлять иные, пришлось покопаться в материалах, да еще и попутать голову — где эти материалы найти. Особо надо отметить усилия тех, кто составлял перечень пайщиков. Жалко, что они (Ольга Александровна Радичева и Людмила Ивановна Савельева) обзавели себя бесценными: за многими из отсыканных им фамилий стоят замечательнейшие и часто трагические судьбы, которые можно бы развернуть перед читателем.

Постараюсь, двухтомник этот послужит словарем и справочником. Но это все же не совсем словарь. Не вполне словарь. Не только словарь. А первый том и вовсе не словарь.

Да и второй...

Там в алфавитном порядке идет около шестистот коротких «портретных» статей. Прежде всего — актеры, драматурги, режиссеры, художники МХТ, но и те из грядущих календариков, отдельные чужие, служившие своему Театру с наименьшей многолетней преданностью, с наименьшим радостным самоотвержением, чем Москвитин или Качалов: «мы люди тени, но и тени этого театра светла», — так красиво сказал о себе и своих сослуживцах один из них.

Мне страшно, что не станут ли дотошные читатели высчитать строчки и по числу строчек, чтобы составить себе этого раздела чересчел больше (сверб от избыточных заслуг), кого — меньше, недооценивают. Умоляю: обойдитесь без строкосмера. Мы всеми авторам не задавали точных размеров (что вообще-то для энциклопедического словаря является нормой). Разумеется, были общие требования: имя-отчество, день, месяц, год, место рождения, звание, какие школы, где получил образование, в какие годы был в МХТ. Но и там же хотелось, чтобы лицо было очерчено сколько-нибудь живо, сколько-нибудь точно, и чтобы в нем так же проступали характерные черты «мхатовца», как и неповторимость собственного выражения. А сколько для этого потребуются строк, — ей-Богу, не так уж важно. Есть таланты и судьбы, легко укладывающиеся в краткое определение, очерчиваемые одной неотрывной линией. Есть совсем иные. Это, во-первых. А во-вторых, — есть разные авторы статей. Тянуть всех на один салтык?

Если меня спросят, какие узоры для меня желательней — узор ли в разное портретных статей или в изысканной утилизации, а бы жалобно возразила: а нелюбо ли вообще отнестись к нашей работе как к покаянию, а не ведь такая трудная... столько сил бы отдали разным хорошим людям. Ей-Богу же — хорошиим!

Божись не божись, все равно усматриват злой умысел. И все страсть подумать, как потребуют объяснений, почему иксу — отдельная статецка, а игрека ити в именном указателе.

Умные все-таки были люди, эти Дидро с д'Аламбером. У них ведь вообще в их энциклопедии знаменитый ли про одного писателя или там актера или там ученого. Из имен собственных только Юпитер да Венера с прочими богами, города и страны. Но уж точно — ни одной фамилии современников.

Инна Соловьева Диалог между фактами

Двухтомник, о котором рассказывает Инна Соловьева, в общем-то уникален. Не знаем других книг, в которых столетняя история театра была бы изложена с такой исчерпывающей полнотой. И академической точностью. «Московский Художественный театр 100 лет» выходит, как явствует из названия и как нетрудно догадаться, к юбилею Художественного театра.

В редакционной коллегии книги, выпущенной издательством «Московский Художественный театр», А.Смеянский, И.Соловьева, О.Егошина, художественное решение двухтомника принадлежит В.Валериусу, Т.Новицкой и Н.Панквичу. В работе принимала участие группа авторов.

Впрочем, еще умней был Вольтер: сам в энциклопедии не работал, отсылался о ней со стороны и прохладно.

Митрополит Евгений в своем словаре русских писателей упоминал только умерших. Тоже разумно.

Впрочем: что ж я так криво отвечаю на вопрос: — Это нервы перед премьерой книги, наверно. Сколько бы ни оказалось читателей со злым строкосмером, сколько бы ни оказалось задетых самолюбий и сколько бы ни допущено было в самом деле досадных пропусков, — мне кажется, в нашем труде будет воспринят его добрый смысл.

Сделаю мечтательное предположение: где-то живет человек, который приобретает этот двухтомник в качестве справочника, а потом в какую-то минуту начнет первый том и даже второй читать. Удастся. Удастся в этой россии же тайную структурность. Не структуру книги увидит, хоч-я сказать, но ее собственную, эту россии жизни МХТ, природную тайную структурность. Мы, составители, вроде бы и не стремились специально к тому, чтобы эту структурность обнаружить и обнародовать, — она сама проступала, когда все собралось воедино.

Выход словаря приурочен к столетию Художественного театра — не так ли? Но, зная не понаслышке работу научно-исследовательского сектора (он же — в прошлом — Комиссия по изучению и изданию театрального наследия Станиславского и Немировича-Данченко), предположу, что не только в юбилей тут дело. Что сам накопленный материал требовал такой или похожей книги. Несмотря на немалое количество других, уже вышедших, — так ли это?

Ну, я про это самое и говорю. Многое впервые даю себе увидеть и осмыслить в соседстве. И вот еще что: какие-то вопросы художественной жизни искусствоведно приходится сызнова ставить перед собой (и перед читателем, тем самым) через какие-то перемены. Продолжительность этих перемены не определяли, но лет двадцать или тридцать — срок где-то в эти пределы. Кстати, примерно столько лет прошло после последнего справочного издания, посвященного МХАТу (вышло в 1962-м).

Надо ли пояснять, что дело не в готовности повиноваться или противостоять политической конъюнктуре — дело во внутренних законах развития культуры. Работает не столько даже накопление новых знаний, сколько душевные смещения. Как, оказывается, эта сложная и неуправляемая динамика существует даже и для сугубо справочного издания.

Насчет приуроченности издания к юбилею еще вот что скажу: когда-то было понятие «подарочной книги». Оно стало вроде бы понятием отрицательным, но исходно-то лучшие издания, с десятых годов нашего века посвящавшиеся Художественному театру и его спектаклям, были образцами книги, которую хотелось дарить и получать в подарок: умные, красивые, какие-то разом и домашние (как домашний альбом с фотографиями) и нарядные. Прекрасный был у многих из этих книг художник — знаменитый график С.В.Чехонин. И фотограф дивный: М.А.Сахаров. Я рада, что у нас в словаре есть статецка и про Сахарова, и про издательского работника А.М.Бродского. Была в те годы такая манера — и иллюстрация давались на небольших вклеивках. Во многих экземплярах старых книг, которые я видела, какие-то снимки оказывались отклеившимися. С точки зрения библиофила — историчная книжка, а, по-моему, только вышедшая в своей цене. Я знала людей из старшего поколения, которые на пером Фрэнк мировой и в гражданскую брали с собой вместе с фотографиями матери или невесты эти вынутые из мхатовских монографий листочки с ликами трех сеестер.

Сегодня МХАТ не кажется такой безусловной частью русской домашней жизни: у нашей книги иной облик. Но, по-моему, и художник В.Е.Валериус, и Т.Новицкая, и Н.Ю.Панквич сделали работу на редкость хорошо. Фотографии, казалось бы, навсегда «забытые», здесь смотрятся с удивительной свежестью, четкостью, такие живые, просто диву даешься. Так же восхищает альбом, посвященный сценариям, — цвет великолепен и точен. Вообще, все связанное с художниками МХТ, кажется мне особой удачей словаря: мы тут обязаны таланту и познанию Аллы Агустовны Михайловской: именно она стала автором почти всех портретных статей и со-

держательнейшей «вводки» к альбому. Помнящему изобразительный ряд, стоит благодарно назвать также Аннату Оганесян и ту же Людмилу Савельеву.

— Открылось ли в процессе работы для вас самих — именно в виду людей, трудившихся над этим изданием, нечто новое? Или было лишь систематизация для вас известного?

— Открылось, открылось... Хочется верить, именно это и прочтется. А вкратце не назову. Открылось именно потому, что потребовалось и была проведена какая-то систематизация. Сошлись вместе прежде не сопоставлявшиеся вещи, возник диалог между фактами (даже не диалог, а какой-то общий разговор их, втягивающий все новых участников, факты оживают друг друга, возражают, переспрашивают).

И вот что еще открылось: возможность согласовывать рабочие и творческие усилия авторов разных поколений, разных научных школ. Неожиданно была помощь людей из музея МХАТ; его директор В.С.Давыдов выступает, кстати, автором многих портретных статей — их ценность прежде всего в том, что они писаны «с натуры», о тех, кого автор знает по своему с ними личному партнерству. В книге состав широкий состав участников, — от старейших нашего цеха, покойного Виталия Яковлевича Виленкина (это его последняя работа, его памяти мы посвящали завершение труда, при нем начатого) — до совсем молодых, кому, как Аркадию Островскому или Маше Халицевой, еще далеко-далеко до тридцатидесяти, а чем старейшие, выиграло было хорошо. Мы работали в каком-то дружелюбном единстве, как мне кажется, я, во всяком случае, в этой работе испытала много радости.

— Опять-таки, насколько я знаю, готове (в печати) и следующая книга — чрезвычайно любопытное и неожиданное издание. Впрочем, проглядывая его подготовительные варианты, я поняла, что оно закономерное, а закономерно. Как вы называете эту книгу?

— Если имеется в виду работа, на которую нас подобрал Олег Ефремов, давно заинтересовавшийся, кому в сегодняшнем сценическом искусстве приходится сродни Художественный театр, как это родство прослеживается, — работа пока еще не в печати, и как ее назвать — не знаю. Страшно много интересного узнаешь «по пути». Интересен сам импульс к развешиванию, заложенный в генах Художественного театра. Развешивание ведь началось рано, было столь же плодотворным, сколь и ручательством. На ранних стадиях жизни Театра (так — с большой буквы — они предопределили название своей МХТ) также очевидна драма отцовства (критик Л.Л.Гуревич как раз в этот момент уговаривала Станиславского взять роль короля Лира), как очевидна и драма мятежного сыновства (Мельник-Печковский). Вспомните, считались родством еще и забавно: «Соревнования» вроде бы дядя Таганки — двоюродный дядя. Впрочем, надо проверить, может быть, двоюродный дедушка. В генеалогии частенько бывают такие сюрпризы. Например, все рот открываешь, когда по генеалогической таблице показываешь М.Ю.Лермонтов, убитый на дуэли в 1841 году, и Петр Аркадьевич Столыпин, убитый в 1911-м, — кузены. Проверьте: бабушка одного и дедушка другого — родные брат и сестра.

— Мхатовский архив давней поры — богатство для историков театра. А нынешний — с нашей непрерывной лицей письма и дневники — даст ли он что-нибудь для работы будущим историков? Или придется в основном проваливаться в пенатной продукции, к сожалению, столь поверхностной и лицеприятной, особенно в последнее время?

— Кто может знать, пишут ли сейчас письма и ведут ли дневники. Очень много быть, что пишут и ведут.

Обоим-то за последние лет десять основные поступления новых архивов о прошлом были у нас за счет архивов секретных служб. Нынешние годы будут, должно быть, документированы несколько иначе: откровенно любую газету, все пишут наружу, жанр компромата — любимый жанр и журналистов, и читателей. Зато в архивах, вероятно, потом найдутся какие-то совсем иные документы. Кто то обязательно фиксирует текущее мгновение театра — закрепляет его чистым пером на чистой бумаге и с чистыми намерениями.

Беседовала
Наталья ЛОРДИКАНДИЗЕ